

УДК 140

Джейранова М.О.,

Студент 2 курса,

ФГБОУ ВО Саратовский ГМУ им. В.И. Разумовского Минздрава России,

Россия, г. Саратов,

Научный руководитель: Фахрудинова Э.Р.

канд. философ. наук, ассистент

**МЕХАНИСТИЧЕСКОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ В ФИЛОСОФИИ РЕНЕ
ДЕКАРТА**

Аннотация: в статье представлен широкий срез натурфилософской концепции Рене Декарта, рассмотренный в её мировоззренческом аспекте. Проведено сравнение механицизма Декарта с учениями Древней Греции, с концепциями современников философа.

Ключевые слова: мировоззрение, механицизм, материя, Новое Время, Рене Декарт.

Dzheyranova M. O.

Student,

2 course,

Saratov State Medical University them V.I. Razumovsky,

Russia, Saratov,

Scientific director: Fakhrudinova E. R.

cand. philosopher. sciences. Assistant

**MECHANISTIC WORLDVIEW IN THE PHILOSOPHY OF RENE
DECART**

Abstract: The article presents a wide section of the natural philosophy of Rene Descartes, considered in the worldview aspect. This contains the comparison of Descartes' mechanistics to the teachings of Ancient Greece and to the concepts of modern philosophers.

Key words: worldview, mechanicism, matter, New Time, Renee Descartes.

Если рассматривать механицизм как особое мировоззрение, то есть отставить на время в сторону вопрос о его последовательности, научности, актуальности, то мы можем увидеть некий вариант взгляда на любое явление физического мира, и для нас станет возможно, и даже необходимо, углядеть связь между этим взглядом и историческими процессами, приведшими к распространению такого мировоззрения. Речь идёт о тенденциях, берущих начало ещё в эпохе Возрождения, времени, известном своей постепенной сменой приоритетов науки: переход от тео- к антропоцентризму, от средневековых духовных вопросов к материализму Нового Времени [3, С. 144]. Правда, переход этот позиционировался учёными Ренессанса как напоминание о древних идеалах науки. Например, революционный труд Николай Коперника «об обращении небесных тел», перевернувший все господствовавшие до его публикации представления о космосе, писался автором в качестве комментария к птолемеевскому труду «Альмагест», а трактат Галилео Галилея «О движении» отсылает нас к «Физике» Аристотеля. Естественно, положения античной науки последовательно опровергаются, но опровержения эти сами по себе носят характер не догматический, как это было в Средневековье, а научный [5, С. 125].

XVII век, помимо оригинальных практических достижений техники (таких, как изобретение барометра) становится веком теоретического осмысления достижений прошедших веков, размышлений о мире, созданном этими достижениями [3, С. 142]. Можно сказать, что механицизм в семнадцатом столетии являлся «общим местом», поскольку помимо рассматриваемого нами здесь Рене Декарта представление о живой и неживой природе как о «машине» разделял и развивал, например, и английский философ Томас Гоббс, столь расходящийся с Декартом по многим другим вопросам. Известно деление Декартом всего мира на две категории: «вещи существующие», *res extensa* и «вещи мыслящие», *res cogitans* [3, С. 146]. Всё, о чём можно говорить в терминах механики,

естественно относится к первой категории. Нужно заметить, однако, что категория эта несколько шире, чем можно интуитивно предположить. Например, любые возможные аффекты души (само существование которой ставится Декартом под вопрос) безусловно, относятся к *res extensa*, так как они есть не что иное, как физическое влияние на тело человека внешних факторов, то есть, по большому счёту, колебаний материи. Всё многообразие психологических реакций поэтому можно свести к нескольким элементарным аффектам, (что и делает Декарт, выделяя в качестве «базовых» страстей удивление, любовь, ненависть, желание, радость и печаль), а любые способы повлиять на них должны ограничиваться физическим миром, так же как, например, при взгляде на циферблат часов мы должны понимать, что стрелки, находящиеся в положении «полночь» свидетельствуют не о том, что сейчас полночь, а о том, что движение шестерёнок в часовом механизме, соединённом со стрелками, совершилось таким образом, что стрелки пришли к данному положению [1, С. 142]. В письмах к принцессе Елизавете Богемской, покровительнице Декарта, философ, пользуясь схожей аргументацией, рассказывает ей о природе её депрессии. Таким образом, человек в миропонимании Декарта предстаёт в виде своеобразной сложной машины, и хотя все без исключения функции такой машины могут быть ещё не исследованы, сам принцип существования человека в этом качестве останется неизменным. Интересно здесь ещё и то, что помимо любви, как аффекта из области «вещей существующих» по Декарту имеет место также «любовь мыслящая», или интеллектуальная, состоящая в «добровольном духовном единении существа с предметом, как частью одного с ним целого» [5, С. 375].

Вернёмся, однако, к моментам механистического мировоззрения Декарта, носящим более общий характер. Пользуясь известным методом деления наук, французский философ рисует свою собственную картину такого деления, «древо наук». Этот образ, согласно расхожему толкованию,

подчёркивает идею нераздельности всего возможного знания о природе, и лишний раз указывает нам на мировоззренческий характер такого знания [3, С. 144].

В качестве «ствола» этого дерева выступает наука физика, «прорастающая» из корней метафизики. Хотя и первая и вторая наука — это, так или иначе, отсылки к наукам Аристотеля, (а точнее — к позднейшим названиям изначально безымянных свитков) основные положения физики Аристотеля Декарт перерабатывает весьма основательно. При этом от возрожденческих натурфилософских теорий (Джордано Бруно, Томмазо Компанеллы) он также отказывается [4, С. 256].

Если попытаться сформулировать главное отличие физики Декарта от предшествующих теорий, получится, что оно заключается в способе постижения природы, а точнее, в доверии лишь определённым областям знания. Здесь обнаруживается расхождение Декарта, названного позже рационалистом, с так называемыми сенсуалистами, доверяющими чувствам. По Декарту познание природы возможно лишь в том случае, если представления о физике надстраиваются на фундаменте разума, то есть метафизики, неотделимой от математики [4, С. 259].

Опять же, мы можем найти идею недоверия чувственному миру и в древности. В Древней Греции существовали разные вариации такого течения, как атомизм, например, атомизм Демокрита. Однако греческие атомисты, во-первых, не строили из своих теорий далеко идущих выводов, и, во-вторых, не связывали их со сложным математическим аппаратом. На заре же Нового времени, в эпоху активного развития метода эксперимента и применения математики в естествознании, античная идея была возобновлена, в частности, Галилео Галилеем, в новом ключе [3, С. 141].

Декарт же, в качестве развития позиции Галилея, позиции математических корней естествознания, перерабатывает, в первую очередь, содержание термина «материя». Из её свойств целиком исключаются всё,

имеющее отношение к познанию с помощью чувств, всё изменчивое. Скажем, если древние не имели ничего против наделения материи качеством запаха, Декарт уже скажет, что запах — не свойство самой материи, а только частный результат человеческой способности этот запах чувствовать. Точно так же обстоит дело даже с, казалось бы, более объективной вещью, чем запах, или вкус — с тяжестью. Современная наука говорит не о тяжести объектов, но о гравитации, объективной способности частей материи притягивать друг друга. В додекартовой физике же тяжесть считалась расхожим понятием для определения свойства материи [3, С. 143].

Согласно же учению Декарта, наше видение любого объекта как более, или менее тяжёлого, является точно таким же обманом восприятия, как запах вещей [2, С. 224].

Приведём цитату из первоисточника: «С самого нашего детства мы привыкли переворачивать лишь тела твердые и обладающие тяжестью и, всегда встречая в этом трудности, сами себя в том убедили, что трудность эта проистекает из самой материи, а, следовательно, является общей всем телам; это нам было легче предположить, чем принять во внимание, что в подобных случаях лишь *тяжесть* тел, которые мы пытались переворачивать, мешала нам их поднимать, а *твердость* и *неровность* их частей мешала нам их волочить, откуда вовсе не следует, будто то же самое должно случаться с телами, лишенными и твердости и тяжести» [1, С. 147].

Несмотря на подобное обеднение понятия материи, у неё всё же должен оставаться какой-то неотъемлемый, главный, возможно, единственный признак. И этот признак, по Декарту, является простой протяжённостью, или формой. То, что мы называем «тяжестью» сводится, по Декарту, опять же, к протяжённости различных материальных частиц, а точнее, к их перемене мест в вихревом движении, когда одни частицы (в данном случае - частицы эфира), занимая место других, заставляют тем самым третьих занять своё место [2, С. 223].

Представление материи, как просто того, что занимает место в пространстве, позже получило название континуализма, то есть позиции, отрицающей возможность во Вселенной абсолютной пустоты. И здесь мы можем снова вернуться к механицизму, к сравнению мироздания с безупречной машиной, части коей идеально подогнаны друг к другу. Этот образ витает, судя по всему, в каждой части философской системы Декарта [1, С. 140].

Уже упоминавшийся атомизм, по крайней мере, в большинстве своих вариантов, по сути, является позицией, противоположной континуализму. Бесконечно малые, неделимые объекты (атомы) существуют только при условии существования пустоты. И хотя это учение получило своё развитие и в Новое время (Исаак Ньютон, к примеру, вполне его разделял), Рене Декарт был принципиально не согласен с ним. Его аргумент против атомизма можно сформулировать приблизительно следующим образом: так как единственное подлинное свойство материи — её протяжённость в пространстве, ничто не мешает частям материи делиться бесконечно, ведь всякий раз в результате деления мы будем иметь дело с частицей, всё ещё занимающей определённый объём [3, С. 148].

Пока что, по данному нами срезам натурфилософии Декарта, совершенно непонятным остаётся только одно: откуда в физическом мире, этом средоточии бесконечно делимой и протяжённой материи, берётся движение? Кто, или что заставляет этот исполинский механизм работать, кто часовщик этих вселенских часов? На этот вопрос Декарт даёт, казалось бы, простой, известный с глубокой древности ответ: перводвигателем материи является Бог. Однако у этого ответа есть масса тонкостей [2, С. 221].

Собственно, механика, наряду с медициной и этикой, занимают в «древо познания» Декарта место ветвей. Имеется в виду возможность получения от этих наук практической пользы, ведь ветви имеют свойство плодоносить. Такое сравнение затрагивает весьма интересный философский

вопрос. Конечно, ветви практических наук приносили и будут приносить свои плоды: например, уже упоминавшийся здесь барометр, безусловно, может считаться плодом практической механики, равно как зародившийся в XVII веке анатомический театр является плодом науки медицины. Но не могло ли случиться так, что именно эти «плоды», существовавшие и до Декарта (например, машины Леонардо да Винчи) зародили в уме французского философа то зерно, что выросло в итоге в картину древа наук, в единое механистическое мировоззрение?

Список литературы

1. Григорьян А.Т. Механика от античности до наших дней / А.Т. Григорьян — М.: Наука, 1974
2. Декарт Р. Сочинения в двух томах. Том 1 / Р. Декарт — М.: Мысль, 1988
3. Мотрошилова Н. В. История философии: запад, Россия, Восток. Том 2 / Н.В. Мотрошилова — М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1996.
4. Мощанский В.Н. Формирование мировоззрения учащихся при изучении физики / В.Н. Мощанский — М.: Просвещение, 1976
5. Рассел Б. История западной философии / Б. Рассел — М.; Академический проект, 2009.